

*Бардаенко А.А.
магистрант
1 курс, ЧОУ ВО «Сибирский
юридический университет»
Россия, г. Омск*

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНТЕРВЕНТА В ЧУЖИЕ ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

***Аннотация:** Статья посвящена вопросу о природе гражданско-правовой ответственности интервента в чужие договорные отношения. Автором исследуется необходимость использования деликтной модели ответственности интервента. Рассматривается конкуренция деликтной ответственности интервента и способов защиты, предусмотренных для договорных отношений.*

***Ключевые слова:** деликтная ответственность, возмещение убытков, исполнение в натуре, относительные правоотношения, третье лицо.*

***Annotation:** The article is devoted to the question of the nature of the civil liability of the third party, who interfere in other people's contractual relations. The author explores the need to use the tort model of the responsibility for that intruder. The competition of the tort liability of the third party and the methods of protection provided for the contractual relationship are considered.*

***Key words:** tort liability, damages, execution in kind, relative legal relations, third party.*

Развитие свободы предпринимательских отношений в рамках рыночной экономики поставило вопрос о примате конкуренции над иными гражданско-правовыми институтами, поскольку результатом такого развития стала устоявшаяся практика нарушения основополагающих принципов гражданского права.

В качестве первоочередного принципа, подвергнувшегося такому нарушению, следует рассматривать принцип добросовестности (*bona fides*). Так желание субъекта гражданского права, в частности, предпринимателя, осуществлять деятельность, приносящую доход, нередко сталкивается с необходимостью совершения действий, несоответствующих обычно принятым в торговом обороте, осуждаемых другими участниками оборота.

Таковыми действиями, в частности, может являться «интервенция в чужие договорные отношения», т.е. совершения третьим лицом действий, повлиявших на договорные отношения лиц, на которых были направлены такие действия. В качестве «классического» примера такие действия можно рассматривать склонение к нарушению договора (например, продажи иному лицу) при наличии относительных правоотношений (уже заключенного договора купли-продажи). На практике это означает, что предприниматель, заинтересованный в приобретении определенного товара, может путем оферты продавцу более выгодных условий побудить его (продавца) нарушить договорные обязательства, возникшие у него и других лицом до совершения предпринимателем таких действий.

На первый взгляд может показаться, что такие действия *a priori* являются недобросовестными, поскольку нарушают запрет, установленный пунктами 4 и 5 статьи 4 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. Между тем, содержание указанных норм отличается значительной абстрактностью, что не позволяет абсолютизировать любые действия интервента, влекущие нарушение договора иным лицом, в качестве недобросовестных.

Во-первых, для признания таких действий недобросовестными следует учитывать знание интервента (в том числе вмененное) о наличии договорных отношений у лица, на которого направлены такие действия. Данное условие необходимо для квалификации в качестве недобросовестных исключительно таких действий, субъект совершения которых знал или должен был знать о наличии договорных правоотношений. Более того, к таким недобросовестным действиям будут относиться и действия интервента, целью которых не было

нарушения прав и законных интересов первоначального покупателя, что можно было бы считать шиканой, но и иные действия, повлекшие такие последствия.

Во-вторых, для привлечения интвервента к ответственности необходимо наличие убытков, причиненных первоначальному покупателю. Такие убытки могут выражаться в необходимости поиска нового контрагента; затратах, понесенных в связи с предстоящей сделкой и т.д. Причем, в данном случае следует исходить как из негативного (реальный ущерб), так и из позитивного (упущенная выгода) интереса первоначального покупателя.

Вместе с тем, интересной представляется проблема применения в данном случае доктрины эффективного нарушения (efficient breach). В соответствии с указанной доктриной нарушение договора может быть эффективным в случае, если выгоды от нарушения превышают те потери, которые понесет должник в связи с возмещением убытков потерпевшему кредитору. Должник, компенсируя кредитору все потери, не несет убытка. В силу такой доктрины третье лицо, которое вызывает нарушение должником договора путем предложения лучших условий, чем условия договора между кредитором и должником, следовательно, для него исполнение должника более значимо, чем для кредитора. В связи с этим привлечение третьего лица к деликтной ответственности в данном случае становится чрезмерным, поскольку размер взысканных убытков в пользу кредитора может превышать реальный размер причиненного ему ущерба.

Однако в научной литературе высказывается также и критика подобного подхода. Так в своей работе [2, С. 42-50] А.Г. Карапетов приводит подробную критику указанного выше подхода. Главным недостатком доктрины эффективного нарушения по мнению автора является теоретизированный характер. Это связано с тем, что указанная доктрина не учитывает реальную судебную практику взыскания убытков, которая отличается высоким стандартом доказывания реального размера убытков, а также следующим из этого подходом судей, заключающимся в толковании любых сомнений в пользу презумпции недоказанности этих фактов.

Отмеченные недостатки доктрины эффективного нарушения позволяют сделать вывод о возможности применения деликтной ответственности интервента в чужие договорные отношения, связанной с необходимостью сохранения стабильности договорных отношений.

Использованные источники:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.10.1994 №51-ФЗ. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
2. Карапетов А.Г. «Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд». Части 1,2. // Вестник экономического правосудия № 11. 2014. С. 42-50.